

Глава 20. Битва с красноногими белыми соколами

У Цзя Динъи всегда были при себе обрывки огромных тетив — именно ими он когда-то лишил жизни Старца Юньцзуня. Разделив каждую длинную струну на четыре части, он превратил восемь заготовок в тридцать две. Забрав половину, Динъи ловко взобрался на дерево. Выбрав самые крепкие и гибкие ветви для луковищ, он закрепил короткие отрезки струн между ними.

Стрелами послужили заострённые сучья; в каждый импровизированный лук он заложил по нескольку штук. Натянув тетивы до предела, Динъи связал точки натяжения тонкой нитью, пропустив её через все шестнадцать «орудий». Собрал концы нитей в кулак, он спрыгнул вниз и точно так же соорудил ещё шестнадцать ловушек на земле.

Вскоре Цзя Динъи уже стоял посреди дороги, пальцы его были опутаны сложной сетью тончайших жил. Он вскинул голову, наблюдая за кружащими в небе белыми птицами. Несколько десятков красноногих белых соколов закладывали виражи, строго выдерживая боевое построение.

Внезапно, повинувшись беззвучному сигналу, шесть птиц, шедших в вершинах шестиугольника, вскинули головы и пронзительно закричали. Звук этот, казалось, расколол само небо. Услышав его, Цзя Динъи ощутил вспышку невыносимой боли в груди — его Гуйсюй отозвался на крик так, словно в пустом ущелье с грохотом обрушилась лавина.

Пока соколы кричали, они яростно били крыльями, а затем разом ринулись вниз. Их стремительное пикирование напоминало шесть белых вихрей. Из-за боли в Гуйсюй Динъи упустил мгновение для атаки. Хищники уже неслись прямо ему в лицо. Остальная стая, подхватив боевой клич вожаков, следовала за ними, сужая круги и заходя на цель.

Шестиугольник в небе в мгновение ока превратился в гигантскую ловчую сеть, стягивающуюся вокруг Цзя Динъи.

Бу Цинь наблюдал за этим, замирая от ужаса. Он помнил, что адепты секты Белого Пера не отличались особым мастерством в боевых искусствах, но их умение дрессировать красноногих белых соколов наводило страх на всё Цзянху. Эти птицы чувствовали истощение Гуйсюй: здоровый практик оставался равнодушен к их крику, но раненый испытывал мучительную боль. К тому же соколы были невероятно быстры, а в строю становились почти неуязвимы.

— Берегись! — истошно закричал Бу Цинь.

Его голос потонул в резком, сухом свисте множества стрел, сорвавшихся с тугих тетив. Прежде чем стая успела замкнуть кольцо, Цзя Динъи, собрав остатки сил, резко отпрянул назад и рванул зажатые в руке нити. Струны распрямились одновременно, отправив веер заточенного дерева в небо.

Подбитые соколы зашлись в предсмертном хрипе. В одно мгновение воздух наполнился белым

пухом, словно повалил густой снег, — вот только вместо снежинок на землю летели перья. Птицы, прошитые насквозь, падали одна за другой. Бу Цинь задрал голову: с небес хлынул кровавый дождь, и тёплые алые капли окропили его лицо.

Несмотря на потери, стая не отступила. Из шести вожakov уцелели четверо. Увидев гибель сородичей, они издали яростный клекот и, ведя за собой остатки стаи, вновь обрушились на Цзя Динъи. Пока соколы терзали его сверху, из леса наконец показались и сами люди секты Белого Пера.

Адепты в белоснежных одеждах замерли, ошеломлённо глядя на побоище. Главное сокровище их школы, бесценные красноногие белые соколы, были безжалостно перебиты каким-то возникшим! Вид мёртвых птиц и тех, что ещё бились в агонии на земле, вызвал у них волну жгучей ненависти. Чао Му, вышедший вперёд, яростно выкрикнул своим ученикам:

— Из поместья Дуань пришла весточка: Бу Цинь уже убит этим слугой! Если встретите его — не щадите! Бейте на поражение!

Боль в груди Цзя Динъи стала невыносимой. Его Гуйсюй походил на прогоревший уголь: казалось, коснись его — и он рассыплется в прах. С трудом сдерживая стон, он метнулся к карете, на ходу уворачиваясь от когтей соколов, и выхватил длинный шест.

Динъи завертел оружием, и тяжёлое дерево замелькало в его руках так быстро, что со стороны он казался закрытым в непроницаемом золотом коконе.

Соколы взмывали выше, выискивая брешь в его защите, и снова бросались в атаку. Но шест Динъи был быстрее: там, где секунду назад зияла пустота, уже свистело дерево. Птицы замертво валились под его ударами. Отражая нападки с воздуха, он умудрялся ещё и топтать тех соколов, что пытались дотянуться до его ног на земле.

Адепты Белого Пера обнажили мечи, но из-за кружащей стаи не могли подобраться ближе. Тогда Чао Му подал особый знак. Птицы мгновенно прекратили атаку и взмыли вверх, зависнув в полукруге. Глядя на гору трупов своих братьев, они разом издали душераздирающий крик, полный кровавой тоски.

В этом траурном вое Цзя Динъи сошёл в бою с людьми в белом.

Только теперь он в полной мере осознал, что имел в виду Бу Цинь, говоря о «сокрытии ци в Гуйсюй». Хотя его внутренний источник был почти уничтожен, он всё ещё мог черпать из него силу, направляя её по меридианам. Сегодня каждое движение его шеста отзывалось мощным порывом ветра, чего не бывало прежде.

Однако его мастерство имело предел. Против дюжины опытных бойцов, окруживших его со всех сторон, он продержался недолго. Один из адептов Белого Пера, извернувшись, нанёс рубящий удар — клинок распорол грудь Цзя Динъи. Тот рухнул на землю, обливаясь кровью.

Падая, он успел выхватить из-за пояса две длинные иглы и метнул их в обидчика.

Увы, Чао Му перехватил их на лету, небрежно отбив мечом.

Бу Цинь, наблюдавший за этим с замирающим сердцем, вдруг увидел, как вперёд выбежал Дуань Упинь.

«Главный герой! Неужели ты решил пробудиться?!» — мелькнула шальная мысль в голове Бу Циня.

Дуань Упинь, сжимая в руках подобранную у дороги ветку, бежал вперёд, размахивая своей «саблей». Дерево со свистом полоснуло одного из адептов по ногам — боль была острой, как от укола спицей.

— Это ещё что за ребёнок? — прорычал один из людей в белом, хватая малыша за шиворот.

Дуань Упинь не сдавался, продолжая яростно колотить врага веткой, и один из ударов пришёлся мужчине прямо по лицу.

— Щенок! Жить надоело?! — взвыл тот, вытирая кровь со щеки. Разъярённый, он схватил ребёнка за шкуру и со всей силы швырнул прочь.

Тельце Дуань Упиня пролетело добрых десять метров и с глухим стуком ударилось о каменистую землю. Он даже не пикнул. Он замер, уткнувшись лицом в пыль и не шевелился.

Цзя Динъи и Бу Цинь застыли. Бу Цинь, не помня себя от горя, закричал имя мальчика и, помогая себе руками, выполз из кустов.

Чао Му раздражённо бросил своему ученику:

— Зачем ты швыряешь детей? Смертный грех на душу берёшь.

— Он первый начал... Старший, что нам делать теперь?

— Из поместья Дуань передали: живых не оставлять. Убейте этого и его спутника, а добро из кареты вернём хозяевам.

Тот самый адепт, что отшвырнул ребёнка, поднял меч и направился к Бу Циню. Тот в отчаянии закричал:

— Я Третий господин семьи Дуань! Я — Дуань Бу Цинь!

— В поместье сказали, что Бу Циня давно прирезали, даже тело нашли, — усмехнулся мужчина, заноса клинок. — Красивая ты девка, жаль только, что дура. Бу Цинь — мужчина, а ты... Не вини меня, красавица, вини того, за кем пошла.

Ещё мгновение назад Бу Циню казалось, что он не боится смерти. Но когда холодная сталь сверкнула перед самыми глазами, первобытный ужас сковал его разум.

Он вскрикнул и провалился в беспамятство. В угасающем сознании промелькнул свист яростного ветра, а крики красноногих белых соколов сделались ещё более неистовыми и жуткими.

<http://bllate.org/book/17444/1658755>